

Ирина

ГРИЦУК-ГАЛИЦКАЯ

Родилась в Ярославле в 1939 году. Закончила Ярославский пединститут. Первая публикация в Ярославской молодежной газете «Юность» в 1966 году положила начало корреспондентской работе. Публиковалась в газетах «Юность», «Северный рабочий» и заводских многотиражках.

В 2000 году в газете «Городские новости» опубликовала пьесу «По реке плывет топор», в 2001-м там же историческую драму «Князь Федор Чермный». Автор историко-приключенческих романов, объединенных в трилогию «Волнующие красотой» (2003—2005), семейных хроник «Божия коровка, улети на небо...» (2008), исторического романа-исследования «Александр Невский. Триста лет рабства» (2010), книги для детей и взрослых «Стоял Ноябрьш у двора» (2011).

Член Союза российских писателей.

Живет и работает в Ярославле.

Начальник «Бухенвальда»

Рассказ-быль

Забастовка

По моей неопытности и неумению пристраиваться к теплому местечку угораздило меня поступить на работу в цех вулканизации на знаменитый орденосный Ярославский шинный завод.

Цех, куда меня определили балансировать шины и попутно строить коммунизм, носил народное название «Бухенвальд». Там варили покрышки для машин и тракторов.

Голый по пояс и черный от сажи, как черт, вулканизаторщик опускал крышку на нижнюю половину тяжелой формы. А потом, гремя

цепями, аккуратно поправлял ее, чтобы, не дай Бог, вместо дорогостоящей, блестящей, новенькой резиновой покрышки не сварить безобразного «козла».

Поплевав на ладони и натянув голицы, мужики-вулканизаторщики с напряжением толкали тяжелые чугунные формы по валкам. Сдвинувшись с места, производя рев и грохот, как испуганные доисторические животные, катились они по конвейеру, одна догоняя другую, чтобы в конце пути скрыться в кипящем парном вулканизаторе, в этой смердящей преисподней, из которой рваными облаками валил насыщенный химикатами пар и доносился стон и скрежет металла.

Позже, когда я уволилась с завода, эта картина часто всплывала в моей памяти и долго стояла у меня перед глазами. Я представляла АД таким же жарким, парным, вонючим местом, грохочущим металлическими звуками, в которых слышались стоны грешников. Мне казалось, что обязательно где-то в глубине вулканизационных котлов должна сидеть Нечистая сила, которая вредит похмельным мужикам и варит им вместо покрышек кургузых «козлов». За это рабочих лишали премии, и в день получки они бастовали.

Происходило все так. С шести утра толпились у кабинета начальника цеха, ворчали, глядя в расчетные листочки, сплевывая на пол тягучую голодную слюну. Ровно в восемь появлялся Сергей Николаевич Ермолинский — маленький мужичок, кругленький, подвижный и бесстрашный. Он протискивался сквозь толпу полуголых разъяренных мужиков, раздвигая их совсем не могучими плечами, вставал спиной к дверям своего кабинета и открывал митинг.

— Ну, — грозно, как только может это сделать маленького роста человек, интеллигент в душе и добряк, — чего вы тут собрались?

Толпа начинала гудеть. Задние ряды увеличивали гул голосов и тесно обступали Ермолинского с трех сторон. Перед носом начальника цеха трепетали бумажки с начисленной зарплатой. Он брал из чьих-то рук шершавый серо-голубой листочек и начинал читать, шевеля губами. При этом толпа затихала.

— Чего не нравится-то, Шишкин? — прочтя фамилию вулканизаторщика, удивленно пожимал плечами начальник. — Три дня с прошлой получки прогулял?

— Ну... — протянул Шишкин.

— Баранки гну! — голос Ермолинского окреп. — Ты думал, тебе за то премию дадут и отгул за прогул? А? — Ермолинский подпрыгнул на месте и сравнялся с грудью Шишкина. Тот отпрянул. Толпа немного подалась назад.

— Все понял в своем листочке?

— Да понял, понял я... — недовольный Шишкин нырнул в толпу и исчез.

— А!!! Буханкин, и ты тут! Ты, Буханкин, забыл, как на прошлой неделе в вечернюю смену весело так алкоголем травился прямо под валками. Ты думал, что я уже дома, чай гоняю с женой. А я тут как тут нарисовался! И вместо покрышек ты, член бригады коммунистического труда, Буханкин А. П., мне тут «козликов» наварил! Было такое?! Отвечай!

— Ну, было! — Буханкин почесал в затылке.

Ермолинский подпрыгнул, чтобы дотянуться до самых ноздрей длинного Буханкина. Изловчившись, сделал кукиш из трех пальцев и ткнул Буханкину под нос:

— Вот тебе премия, а вот тебе зарплата! Ну, кому еще пояснить, за что денег мало нарисовали?! Тебе, Мухин?

— Нет, Сергей Николаевич, я знаю. Я все уже понял...

Мухин, до того больше всех шумевший, вдруг сник и попятился, ища просвет в толпе.

— Вот вам зарплата, — тряс кукишем Ермолинский, — а вот вам премия, — тыкал он свернутыми пальцами правой руки в виноватые рожи вулканизаторщиков.

— Боря! Телевизор! А ты чего молчишь? По закону, что у нас Трудовым Кодексом называется, тебя за недельный прогул вообще гнать надо с завода!

— Я, Сергей Николаевич, на свадьбе гулял. — Высокий, с крупными чертами лица и плутовской насмешкой в хитроватых глазах Боря вел себя так естественно, что трудно было на него сердиться.

— Смотри, как интересно! Да в ваших Перекопских каморах каждый день гуляют! То свадьбы, то разводы! Кино и немцы, а не жизнь!

— Вот, Сергей Николаевич, я и попал в такую черную полосу. — Боря Телевизор говорил спокойно, с достоинством рабочего человека, который работает так, как ему платят.

Толпа поредела, и те, кто стоял близко к начальнику, остались без поддержки задних рядов.

Я смотрела на Ермолинского и чувствовала, как в душе у меня рождается уважение к этому простому, умному и бесстрашному человеку.

А Ермолинский с удивлением обнаружил свой кукиш, стыдливо убрал его в карман и взглянул на меня.

— Первый день у нас?

— Да. Первый.

— Ну, давай, привыкай.

— Страшно тут у вас.

— Ничего, оббуркаешься. Народ у нас взрывной, но неопасный. Иди, работай.

Я пошла в свой отсек. И, улыбаясь, думала, что сила начальника должна быть не в лукавстве, а в чем-то другом. В простецкой правде, что ли?

Боря Телевизор

Я работала на балансировке уже вторую неделю, но в норму никак не укладывалась. Иногда вполуха я слышала разговоры своих товарок о Боре Телевизоре, тогда они ворковали с нежностью голубей, проживавших на подоконнике нашей маленькой кладовки-конторки.

Об этой кладовке-конторке надо сказать особо. Там на высоко приколоченных полках лежали журналы нашей выработки, табель прихода и ухода со смены и еще какие-то инструкции, начерно покрытые сажей, всегда распыленной в воздухе. Надо честно признать, что эти брошюры никто из нас, работниц участка, не читал и в руки брал только когда приходило начальство с проверкой. Тогда Муза Сергеевна, наш бригадир, статная, красивая женщина с длинными черными волосами, закрученными вокруг головы, и с глазами удивительной голубизны, улыбаясь, доставала эти старые инструкции, стряхивала с них сажу, ударяя книжицей по своему округленному бедру, и с приветливостью доброй хозяйки протягивала в руки главному пожарнику с неблагозвучной фамилией Епишкин. Он отмахивался рукой от облака поднявшейся сажи, важно брал почерневшие листы инструкций и, довольный вниманием красивой женщины, задавал нам несколько дежурных вопросов. Это называлось общим словом «инструктаж», чтобы мы, в случае пожара, не растерялись, а проявили себя как образованные рабочие Великого Будущего. Ведь когда-нибудь оно настанет! А мы — вот они! Все обученные, умелые, и, самое главное, к этому Будущему нас ведет такой замечательный бригадир, с такими крутыми бедрами! Да еще с высоким бюстом и талией, ну, нормальной такой талией, до которой сегодняшним звездам ой как далеко! И, кроме всего прочего, наш бригадир была с глазами, в которых утонуть можно, как в Черном море, если вдруг туда путевку дадут.

Надобно сказать еще об этой конторке-каморке, что в ней стояли бидоны с бензином — разводить сырую резину на случай, если попадется слишком кривая шина и ее потребуется изнутри подмазать и выровнять. Конечно, такая шина задолбает дисбалансом в дороге любого шоферюгу. Но эти шины нужны были нашему цеху, чтобы дотянуть до плана, когда в конце месяца, как правило, не хватало процента.

Еще в нашей конторке был телефон. И это вам не шуточки! Телефонизация нашей великой страны, размазанной по территории Восточной Европы и Азии, шла как-то медленно. Поэтому телефон считался роскошью. И вот такая роскошь красовалась у нас в каморочке. Катя, которая исправляла шины на большом столе, окованном белым металлом, заслышав оглушительно дребезжащий звон переговорного устройства, с важностью брала трубку и долго выясняла, кому звонят и по какому поводу. Потом она высовывала голову из проема двери и истошным голосом, будто заблудилась в лесу, кричала:

— Ау! Девчонки, к телефону!..

Сбалансированные шины мы должны были откатить на склад камерного цеха и после этого доложить бригадиру Музе Сергеевне, что задание выполнено.

Опытные работницы откатывали шины, широко расставляя руки. Касаясь одними кончиками пальцев ребрышка протектора, женщины легонько, можно сказать изящно, подталкивали партию, в которой были пять или шесть шин. А шины, чувствуя себя в руках профессионалов, так же легонько и весело бежали по длинному и широкому проему цеха, закругляя свой бег на поворотах и не позволяя себе ни отстать, ни рассыпать строй. Это был высший класс виртуозности.

Три колеса я еще могла осилить, цепко и судорожно держась за края их протекторов, чтобы не раскатились в разные стороны, но откатить пять или шесть готовеньких шин — увольте! У меня длины рук не хватало!

Я хмурилась из-за того, что не успевала опять справиться с заданием, а Муза Сергеевна смеялась. Она рассказывала новость про очередное приключение Бори Телевизора. Кто-то стащил шнурок из его рабочего ботинка. Теперь Боря ходил так, что его стоптанный ботинок, не менее чем сорок пятого размера, соскользнув, бежал впереди хозяина, а Боря Телевизор, человек огромного роста, прыгал за ним следом на одной ноге.

Тем не менее, посмеиваясь, Муза Сергеевна зорко наблюдала за всеми, в том числе и за мной. Большинство женщин уже убирали каждая свое рабочее место, не спеша, с большим удовольствием обдували свою спецовку и рабочие тапочки воздухом из шланга.

А возле меня с двух сторон стояли стопки покрышек и камер. Их надо было еще сбалансировать, совместить, и хорошо, если при закрутке колпачков злая металлическая заноза не вопьется в кожу. Ну, а если вопьется, то вообще беда. Пока вытащишь ее, высасывая из пальца и обкусывая место травмы, драгоценное время уходит.

Вот уж скоро вторая смена, а я со страхом чувствовала, что не успеваю освободить ко времени станок!

Муза Сергеевна как бы невзначай покатила мои готовые покрышки на склад. Нина Сапожникова подошла, мигом вникла в ситуацию: где у меня лежат покрышки, а где камеры — и начала ловко комплектовать шины. Надувая их воздухом, быстро вставляла золотник и откидывала шину в сторону, а Катя, вынув из своего кармана колпачки, так же ловко, как Нина Сапожникова, прикручивала их на место. Когда я поставила мелом последнюю риску на последней камере, возле меня уже было пустое пространство. Бабенки молча откатали всю мою норму и ушли. Последнюю пару шин я без труда откатали сама и, утерев лицо белой тряпицей, ругая себя за нерасторопность и неумение работать, пошла в душ, где уже мылась вся наша бригада.

Когда, намытые, причесанные и приодетые по тогдашней рабочей моде, мы вышли из ворот цеха, никто бы со стороны и не подумал, что идут самые что ни на есть работяги, только что вручную выполнявшие тяжелейшую и грязнейшую работу. Но ведь каждая из нас была женщиной! И не просто женщиной, а русской женщиной! Мы строили Коммунизм. Мы должны были соответствовать Великому Будущему!..

Вышагивая на тонких шпильках и чувствуя невыносимую боль в стопах ног, честно отстоявших, открутившихся, отбегавших восемь часов, мы не подавали виду, что устали. Мы улыбались, потому что шли домой к семьям, с которыми в своей тягловой жизни делились реже, чем с орденоносными покрывками.

«Нет, Сергей Николаевич! — упрямо и зло думала я. — Нас не оббуркаешь так просто».

Мы всеми силами желали быть прекрасными женщинами, и, ей-Богу, мы были ими!

Настало время, когда я все-таки научилась работать, как все: и норму выполняла, и чувствовала себя вполне обустроенно. Однажды в бригаду к нам поступила новенькая балансировщица Клава с Перекопа. Она была маленького росточка, худенькая, но жилистая и бойкая. Из числа людей, всю жизнь проживших в знаменитых корзинкинских каморах, неизбалованная, необласканная рабочей властью, но владеющая долей вольности и потому с крутым норовом. Про таких говорят: «Палец в рот не клади — откусит».

В цех Клава пришла не одна, а с мужем Николаем. Таким же низкорослым, худющим, как и она сама, и таким же бойким и острым на язык. Одно слово — Перекоп!

Катя, что выправляла кривые покрывки в конторке-каморке, надышавшись бензина, решила дать себе перерыв и, едва держась на ногах от усталости и дурного запаха, поползла в наш отсек.

Она долго стояла, прислонившись к стене и наблюдая за нами, копошащимися у своих станков.

— Клавк, а ты молодец! Быстро освоилась! — похвалила она Клаву с Перекопа.

Новенькая Клава не замедлила с ответом:

— Жилы порвем, а до Коммунизма дойдем! У меня и маманя была партейная, ой, какая спорая была! — прихвастнула Клавка.

— Зачем же жилы-то рвать? — Усталость Кати немного отступила, и стало видно, как мелко трясется ее голова.

— Тебе работу менять надо, подруга, а то под старость ложку в руке держать не сможешь. А какая ты баба, к дьяволу, коли и руки, и голова в трясучке! Ни одному мужику не нужна будешь!

Катя насторожилась. Она и сама уже замечала, что голова у нее стала трястись от долгой работы с парами бензина. И все это видели, но молчали, чтобы не расстроить хорошую бабенку. А тут Клавка с Перекопа, человек откровенный и прямой, как деревенский дрын, выложила все, что увидела. Катя не сдержалась.

— Подумаешь, мужикам не нужна! Еще неизвестно, какой подкатит! Вот ежели как твой, такого и даром не надо.

— Это почему же? — прищурилась Клава.—Худ мой Устим, да лучше с ним. Так, бывало, маманя говаривала!

— Да уж больно маленький да плюгавенький твой Устим! — не отставала обиженная Катя.

— Эх, подруга! Мала х... я, да своя. А у тебя и такой-то нет!

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не подоспела Муза Сергеевна и не увела Катю в конторку.

Почувствовав сухость во рту, я пошла в соседний цех глотнуть холодненькой газировки и вдруг увидела Борю Телевизора в выгоревших сатиновых штанах с ярко-серыми

заплатами на ягодицах. Такие огромные прямоугольные заплаты, аккуратно закругленные на уголках, пришитые заботливой женской рукой.

Мы одновременно подошли к сатуратору и встали, пропуская друг друга.

— Не стесняйся, пей, чай, во рту-то пересохло, — улыбнулся Боря, стяхивая руками белый тальк с рабочей робы и с тех самых заплат.

— Пересохло, — согласилась я и нацедила холодной, освежающей влаги с озорными пузырьками в черный резиновый стакан.

Холод схватывал горло, пузырьки лопались во рту, и мне хотелось продлить удовольствие, но надо было уступить стакан Боре, тоже умиравшему от жажды.

Боря в два глотка осушил стакан воды, потом нацедил еще си опять проглотил в два глотка. Поставил черный стакан на место и пошел, не оглядываясь. Я рассеянно смотрела ему вслед, и тут до меня дошло, почему нашего Борю зовут Телевизором. При ходьбе ягодицы его слегка двигались одна относительно другой, и заплаты штанов с округленными углами тоже двигались, будто экраны телевизоров, поставленных на профилактику.

А потом я увидела, как невесть откуда взявшаяся Клавка остановила его и что-то стала говорить, улыбочиво и даже кокетливо. Боря немного послушал, сказал:

— Эх... Перекоп!..— плюнул себе под ноги, гордо поднял голову и, отмахнувшись от Клавки, как от мухи, пошел дальше, сверкая экранами своих штанов.

Я поспешила к своему станку, тихонечко смеясь.

Клавка пронеслась мимо меня, громко и недовольно ворча:

— Ровно!.. Засранец!.. Ну, погоди! — и быстро скрылась с глаз, повернув в наш баланси́ровочный отсек.

Как кошки сношаются

Муза Сергеевна, держа в руках кусочек мела, ловко балансировала крышки из моей партии.

— Муза Сергеевна, я пить в камерный цех ходила, — начала оправдываться я.

— Ходила так ходила... Ты вот что... Подработать хочешь? Понимаешь, я бы не стала тебе предлагать, но некому крышки сегодня загружать. Бригада собралась, трое всего, но надо четвертого. Обязательно,— Муза Сергеевна оценивающе осмотрела меня так, как, наверное, осматривают лошадей на сенном базаре.

— Надо на ночь оставаться? — спросила я, чтобы как-то скрыть свое стеснение.

— Надо. Зато заплатят за смену восемь рублей шестьдесят копеек... — Муза вздохнула, то ли оттого, что ей было жалко отправлять меня еще на одну смену, без перерыва и в ночь, то ли понимала, что и деньги-то невелики. — Это уже с вычетом налога,— торопливо добавила она.

— Я на том участке не работала еще...

Дополнительные деньги — это хорошо, ведь их всегда не хватало. И мы, женщины, часто занимали и перезанимали до получки, выручая друг друга. А тут — восемь рублей шестьдесят копеек! И главное, их выдадут сразу, как смена закончится! Значит, домой утречком с денежкой приду, и чего-нибудь вкусенького можно будет купить. Например, пряников или целый килограмм «ландрина». Конечно, промелькнуло у меня в голове, можно бы и колбаски купить, да где же?! Хорошо, если пельмени в соседнем магазине «выкинут».

— Я согласна!

— Ну, и хорошо. Только вот что,— Муза перевела дыхание,— надо будет в месяц отработать восемь таких смен. Иначе больше никогда не возьмут в бригаду на подработку.

— Я отработаю,— согласилась я, еще не осознавая цены этого труда.

После смены я перешла на другой участок, подошла к бригадиру и представилась. Вот, мол, я, пришла помогать покрышки катать. Бригадир посмотрел на меня с какой-то жалостью и поставил в строй.

Работа простая. Откатывать горячие покрышки от вулканизатора и сбрасывать их вниз, на первый этаж.

— А там куда? — с любопытством и готовностью спросила я.

— А там уже не твоя работа. Ты только запомни, что через каждые сорок минут вы отдыхаете. Отдыха вам — двадцать минут. Поняла? Трое работают, один отдыхает. Смотри, от рабочего места далеко не уходи. Здесь дорога каждая минута.

Зарботал конвейер, запрыгали покрышки, подхваченные одной из наших работниц. Горячие, парные, они катились к следующей работнице, которая сортировала их по размерам, обрезала резиновые сосочки железной вилкой и приставляла к стенке, а третья работница откатывала к дальнему окну, возле которого был сооружен узкий пандус. Покрышки должны были по очереди скатываться туда, на первый этаж, где их подхватывали мужики и грузили в вагоны.

Первые двадцать минут меня посадили отдыхать. Это означало, что со смены я уйду в последнюю очередь.

Ровно через двадцать минут работницы поменялись местами. Теперь мое место было у конвейера.

— Эй, насада! Чего сидишь, иди работай! — крикнула мне здоровенная бабеха, отходя от конвейера.

Я не успела вовремя занять ее место, и покрышки, почувствовав волю, запрыгали вокруг меня, падая и наваливаясь кучей. Напрасно пыталась разобрать их, откатить, они сваливались с черной ленты, будто выполняли чей-то страшный приказ, послушаться которого было нельзя.

Вулканизаторщик увидел завал. Остановил конвейер, матерясь, подскочил, чтобы побыстрее разобрать. Другие женщины в это время доделывали свою работу. Им повезло. Они могли передохнуть.

Когда вдвоем с мужичком мы разобрали покрышки, он подмигнул мне и включил кнопку конвейера.

Через несколько минут мы с бабенками поменялись вновь. И я покатила покрышки к окну, чтобы сбросить их вниз, по пандусу, прикрытому серой кордовой тряпичей.

Я кидала, не видя, куда они летят с высоты второго этажа и кто их принимает там, на первом. Только слышала криканье и ругательства мужиков.

Я даже повеселела. Потому что катать покрышки я уже умела, а сбрасывать вниз не составило труда. И вдруг слышу:

— Эй, мать-перемать! Потихе кидай.

Голос мне показался знакомым, и я крикнула в пустоту, прикрытую серой тряпичей:

— Быстрее поворачивайтесь!

— Быстро только кошки сношаются, — ответил мне снизу голос Бори Телевизора.

Я немного подумала и крикнула вновь:

— Не сношаются, а совокупаются!

— Ишь! Какая умная! А наши кошки просто еб... тся!

— Ой! — вскрикнула я, не зная, что ответить. И тут подошла очередь меняться.

К концу смены, когда я присела на стул отдыха, то почувствовала, что мышцы мои обмякли. Я хотела пить, но дойти до фонтанчика не могла. Я положила голову на руки и чуть не заплакала. Мне не было жаль себя, мне было стыдно перед людьми, которые взяли меня в бригаду. Меньше чем через двадцать минут надо будет подняться и идти

работать, а мне не встать ни за что и не отработать самые последние двадцать минут. И значит, я подведу всех: и бригадира, и Музу Сергеевну, и весь поток. Подошел бригадир:

— Что? Устала?

— Мышцы не слушаются, — я чуть не расплакалась.

Он принес мне газировки в черном резиновом стакане:

— На, выпей.

Я глотнула, и медленно-медленно холодная влага стала растекаться по измученному телу. Большие круглые часы отсчитывали время до моего позора. Я была уверена, что мне не отработать эту смену до конца.

Большая стрелка щелкнула. Я встала. Из всей бригады я осталась одна. Надо было откатить шины и сбросить их вниз к вагонам.

Я слегка пошатнулась, но стиснула зубы и пошла к своему рабочему месту. Пять покрывшек в руках. Подушечки пальцев ощущают ребрышки протектора.

— Пошли, ребята, пошли!

Я разговаривала с покрывками, как с живыми. И мне казалось, что они понимают меня. Ни одна не укатилась в сторону. Все шли ровненько, как на параде. Потом еще одна катка к пандусу, потом еще, и еще, и еще. Я не заметила, как большая стрелка часов остановилась на цифре «6».

Я не поверила. Все? Сняла с себя фартук, свернула его аккуратно и пошла в душ.

— Эй! Постой! — крикнул вслед мне бригадир. — Возьми деньги.

— Деньги? Давай! — Я сжала в кулаке восемь рублей шестьдесят копеек, выпрямила спину и, стараясь не заплакать, пошла так, как должны ходить женщины, у которых в жизни все как надо!

В проходной я столкнулась с Ермолинским.

— С ночи? — недоверчиво спросил он.

— Да. От конвейера!

— Не смей больше делать этого.

— Почему, ведь я заработала восемь рублей и шестьдесят копеек! — Мне очень хотелось кому-нибудь наругать.

— Эта работа не для таких... Эх,— махнул он рукой и прошел на завод. А я поплелась домой, еле передвигая ноги. Надо было выспаться и к двум часам опять на смену.

Поджог

«Не все так хреново на этом свете», — думала я, глядя, как собирают на нашем участке импортную балансировочную линию.

— Ну, теперь держись, бабы, или сократят нас наполовину, или конвейер запустят так, что у задницы кругло будет, — с любопытством разглядывая технику и монтажников в немецких костюмах-комбинезонах, предрекала Клавка с Перекопа.

— Да уж, норму прибавят, это факт, — ворчали бабенки.

Когда заработала линия и посыпались с конвейера отбалансированные автоматом шины, уже не мелованные в месте дисбаланса, а помеченные красным кружочком импортной красной краской, никого не сократили, потому как откатывать готовые шины немецкое чудо за нас не будет. Правда, норму хорошо прибавили. Но человек ко всему привыкает, приспособливается, принаравливается. Приспособились и мы. К нам водили прессу, показывали чудо немецкой техники, и мы позировали, как кинозвезды.

Ровно в одиннадцать часов приходил наладчик и останавливал линию, чтобы отпустить нас на обед.

В тот день наладчик задержался, а покрышки валились и валились с ленты конвейера. Муза Сергеевна крикнула Кате, чтобы она бросала свою вредную работу и шла в столовую занимать очередь для нашей бригады, мы, мол, подойдем попозже.

Катя, мелко трясая головой, ушла, а мы все еще работали, замечая, что покрышки стали реже тянуться по ленте. Это означало, что там, где их загружают, тоже пошли на обед.

И вдруг одна из наших бабенок как закричит:

— Девки! Горим! — и показывает на конторку, где, переливаясь всеми оттенками оранжевого цвета, полыхает огонь.

— Бежим вниз! — завизжала Клавка с Перекопа. — Сгинем все! Сгорим! Бабы, атак! — и бросилась бежать вниз по лестнице.

Совсем не думая о том, что там, где разливался пожар, стоят бидоны с бензином, я бросилась в конторку к телефону. Окно было открыто. На полу тлела толстая палка, обмотанная тряпьем. Муза Сергеевна следом бросилась к окну и быстро захлопнула его, она-то знала правила противопожарной безопасности.

Я накручивала диск телефона 01. Взгляд бригадира задержался на чем-то. Внизу под окном был навес, запорошенный снегом, а по снегу тянулась цепочка следов от угла навеса к окну. Самое главное, что увидела Муза Сергеевна, — ботинок Бори Телевизора. Тот, без шнурка, что все время сваливался с ноги Бориной и бежал вперед. Он и тут, видимо, свалился с ноги, когда его хозяин спрыгивал с навеса в сугроб.

На том конце провода женщина все расспрашивала, где горит, в каком цеху, на каком участке, на каком этаже, а потом долго не могла записать мою фамилию. Все переспрашивала и переспрашивала. Я увидела, как в каморку сбегались бабенки, на ходу срывая с себя тяжелые, пропитанные сажей и тальком фартуки. Они накрывали ими огонь, который начал было расплзаться по полкам и стенам. Женщины били его тряпьем и прижимали руками, не давая огню пищи, а другие сбивали его со стен.

Когда прибежали пожарные в касках и с брандспойтом, от пожара остался вонючий дым и гарь обожженных полок и стен.

— Ну, вы тут дорабатывайте, а мы в столовую пошли, — сказала Муза Сергеевна пожарникам, — там Катя нам очередь держит. Пошли, подружки!

Всегда добродушный Епишкин вдруг прикрикнул каким-то незнакомым командирским голосом:

— Стоять! Никто никуда не уходит! В столовую они пошли!..

Сергей Николаевич Ермолинский молча смотрел на нас. То ли удивленно, то ли восхищенно.

— Епишкин, ты вот что. Ты, Епишкин, девчонок не держи. Дай им поесть. Вон какую работу они сотворили. Без воды... без мужиков... Идите, девчонки, идите, пообедайте. А мы тут разбираться будем, — поднимая обгоревший факел, уже строго произнес наш начальник.

Борин ботинок

Пока мы обедали, пожарная комиссия обследовала участок, в том числе и навес под окном конторки. Конечно, ботинок Бори Телевизора нашли, следы на снегу совпадали со следами ботинка. А это уже улика.

Муза Сергеевна больше не улыбалась, а все как-то хмурилась и рассеянно командовала нами. Да мы-то понимали, что она Борю жалеет. В душе у каждой из нас поселилось нехорошее чувство: гори он синим пламенем, этот завод, где работа тягловая, где оплата

мизерная, где на пенсию отпускают отравленных парами бензина женщин в сорок пять лет, потому что дальше болезнь быстро прогрессирует... Одним словом — Бухенвальд. А с другой стороны, нет ничего крепче и сплоченнее рабочего коллектива, где молча помогают друг другу, где задарма выручают и советом, и делом, и скромной рабочей деньгой. И главное, никто не ждет благодарности за это. Рабочая семья — так можно назвать отношения в здоровой бригаде. Борю всем было жалко, потому что никто не верил, что поджог мог совершить он.

Только я почему-то сомневалась в его невиновности. Дело в том, что с работы и на работу мы с Борей всегда ездили в одном автобусе. Только он садился на Перекопе, в начале маршрута, поэтому сидел с комфортом где-нибудь у окошечка, а я заходила в автобус в середине маршрута и стояла на задней площадке, где было так тесно, что можно выдохнуть у себя воздух, а вдохнуть уже не получалось. И вот так, тесно прижатые друг к другу, мы ехали на завод делать норму и строить свое «светлое будущее».

В тот день, когда произошел пожар, нас отпустили с завода позднее обычного—допрашивали, допрашивали и еще передопрашивали.

Я ехала домой в почти пустом автобусе, потому что одна смена уже уехала, другой было еще рано на работу.

Подъезжая к дому, я увидела Борю Телевизора, который входил в автобус почему-то не у завода, а на моей остановке. Значит, пока нас допрашивали, он куда-то улизнул, где-то побывал? Странно... Эта мысль не выходила из головы все время, пока велось расследование.

Сомнения относительно Бори Телевизора и его поступка внезапно рассеялись. А случилось вот что.

Мое место у линии рядом с входом в конторку. В тот день Катя ушла на бюллетень. За моей спиной чернели еще не покрашенные обгоревшие стены. Время от времени туда заходили важные посторонние люди с папками в руках. Угловым зрением я их всех видела. И вдруг совершенно неожиданно на участок присеменил муж Клавки Перекопской. Он, по-хозяйски обхватив сзади тонкую шею своей жены, затолкал ее в конторку, прижал к еще не окрашенной черной стенке и громким шепотом, трясая перед ее носом кулачком, закричал:

— Ах, ты, шалава! Куда бы мы с тобой ни устраивались, везде себе хахалю найдешь!

Клавка не испугалась, а вывернулась из-под руки своего благоверного и, качая острыми худыми бедрами, коротко сказала:

— Ну, ты, молчи, а то худо будет!..

— Чего будет?! — завизжал мужичок. — Чего?!

— Али хочешь, чтобы все про тебя узнали, какую ты преступлению сотворил? А то хвалишься: я ростом малой, да умом большой! Вот тебе — кукиш с маслом! Умник!

— Ничего, Клавка! Ничего! Мы еще посмотрим, кто умнее... Я твоему хахалю построил! Теперь попарится на нарах! — не унимался Клавкин муж.

Лента конвейера крутилась пустая — видимо, на том конце линию еще не загрузили, и я повернулась к семейной паре. Я увидела перекошенное лицо Клавки и ее тонкие руки, сжатые в кулаки. Она замахнулась на мужа и громко и твердо проговорила:

— Молчи, как череп, а то сам сядешь на те нары!

И зло погрозила кулаком мужу.

— Так я и молчу, как череп, — мгновенно угомонился Клавкин муж.

— Иди отсюда! Вон тебя бригадир ищет! — кивнула на дверь Клавка.

— Дай слово, что уволимся с завода! — чуть не заплакал ее муж.

— Уволимся.

Клавкин муж засунул руки в карманы брюк и, как ни в чем не бывало, покинул конторку.

— Поняла, как с мужиками надо ладить?! — Клавка усмехнулась и горделиво прошла мимо на свое рабочее место, слегка задев меня плечом.

А у меня отлегло от сердца. Я поняла, что Боря Телевизор ничего не поджигал. Мне хотелось рассказать обо всем Музе Сергеевне, но рабочее достоинство не позволяло трепаться. Мы все исповедовали принцип: знаешь, так молчи.

Торжественное собрание

На стыке двух смен в Красном уголке собралось много рабочего люда. Почти обе смены — утренняя и вечерняя, за исключением вулканизаторщиков, которым от котлов отойти нельзя было.

Нашу бригаду посадили на первый ряд. Даже в душ сходить запретили, чтобы рабочее время не тратили даром. Сергей Николаевич раскладывал на столе какие-то бумаги. Рядом с ним сел главный пожарник Епишкин и председатель профкома нашего цеха.

Сергей Николаевич начал:

— Мы нынче собрались ненадолго. Не шумите там, на задних рядах. Мы собрались, чтобы оказать честь замечательным русским женщинам, про которых еще Некрасов, наш земляк, писал: «Коня на скаку остановят, в горящую избу войдут». Вот он как был прав! Бригада Музы Сергеевны предотвратила пожар на участке балансировки. А это означает, что спасли они весь завод от огня. А кто они такие есть — простые русские женщины, смелые и высоко сознательные. И теперь вот передо мной здесь лежат награды вам, мои родные!

Ермолинский слегка кашлянул, и мне показалось, что глаза его повлажнели.

— Всем вам премия выписана по двадцать пять рублей. Музе Сергеевне еще дополнительно благодарность и часы с дарственной надписью от руководства завода, за правильное исполнение противопожарной инструкции и за грамотное руководство во время пожара.

Муза Сергеевна встала и подошла к столу президиума.

Ермолинский пожал ей руку, преподнес коробочку с часами и почетную грамоту. И, приподнявшись на цыпочки, поцеловал в щеку высокую и красивую Музу.

— Спасибо тебе, бригадир!

Мы радостно зааплодировали.

— А кто у нас по телефону звонил в пожарку? — строго спросил начальник.

Я почему-то испугалась и тихо промямлила:

— Это я, Сергей Николаевич...

— Чего же фамилию-то твою всю переврали...

— Не знаю, — прошептала я.

— Ну вот, сейчас впишем твою фамилию в листок, — он кивнул секретарше, которая была тут же, за столом. Она быстро вписала в почетную грамоту все, что нужно. — Подходи, Ирина, получай свою награду.

Ермолинский пожал мне руку и протянул красивый цветной листок со знаменами и гербом.

— Спасибо, Сергей Николаевич, — я смущенно улыбалась.

— Эх! — вздохнул Ермолинский и обнял меня, — это тебе спасибо...

Я осторожно вывернулась из объятий начальника и пошла на свое место в первом ряду.

Когда закончилось собрание, мы, веселые, полетели в душ. И тут я не выдержала, взяла Музу под руку и остановила ее.

— Муза Сергеевна, это не Боря поджег, я точно знаю, что не он.

— И я знаю,— сказала Муза Сергеевна.

— А почему так переживала?

— А что, заметно было?

— Заметно,— кивнула я головой.

— Знаешь, всякое в жизни бывает, могли бы и Борю засудить. Ведь ботинки-то его нашли. Один на крыше, другой под крышей в сугробе.

— Значит, второй ботинок свалился с ноги маленького мужичка... — подтвердила я свою догадку.

— Плюгавенького... — поморщилась Муза Сергеевна.

— Точно...

— Знаешь и молчи... Все обошлось. В день пожара Борю возили в «серый дом» на допрос. Разобрались.

— А я его видела на своей остановке в тот день. Значит, это он оттуда домой добирался!

— И ты подумала, что Борька поджог совершил?

— Угу.

— Борька не мог этого сделать, потому что в войну его отец-зенитчик погиб здесь, защищая завод от «Юнкерсов». А Боря, он ведь всю жизнь на заводе. И мать его тут работала, и его сюда привела еще подростком. Этот завод ему—дом родной.

— А «Бухенвальдом» зовут... — возразила я.

— Зря не скажут...

Мы прибавили шагу, чтобы догнать своих.

Мой отец тоже зенитчиком был и тоже отражал налеты на наш город. Может, с Бориным отцом вместе и служил. Но я промолчала, помня о достоинстве рабочего человека — «не болтай».

На заводе я проработала почти пять лет. За это время ушел на пенсию Ермолинский. Мы, хоть и звали его начальником «Бухенвальда», но все жалели, что он ушел, потому что уважали своего доброго и честного начальника.

Прошло еще несколько лет, и вредный стаж мой дал мне возможность уйти на пенсию. А тут началась перестройка. Я организовала первый в городе продовольственный частный семейный магазин. И уже не думала о построении коммунизма, хотя было жаль, что на глазах разваливалось все, что таким тяжелым трудом построило наше поколение и поколение наших отцов. Тогда не платили пенсии, и народ выживал какими-то запасами мужества и терпения.

Однажды ко мне в магазин заглянул Ермолинский. Я обрадовалась и засмушалась.

— Ирина, ты довольна своей долей?

— Я? Да, я довольна. Мне и сейчас тяжело. Работаю еще больше, чем когда-то на заводе. С девяти утра до девяти вечера каждый день, но я работаю на себя.

— Эх, ты! А мечтала о коммунизме...

Ермолинский был не просто расстроен, он был взвинчен. Махнул на меня рукой и убежал из магазина.

Я вспомнила, что он пенсионер. Наверное, у него денег нет... возможно, есть нечего... Я представляла страшные картины его нищенской жизни, которую он уж точно не заслужил. И я хороша, ничего ему не предложила. Да он и не взял бы, он гордый...

Через несколько недель я узнала, что наш добрый и честный начальник «Бухенвальда» приказал долго жить.

Может, он не простил мне того, что я так удачно устроилась в новом времени... Кто знает... Ну да Бог простит.

П О Э З И Я

Тамара ПИРОГОВА

Родилась в 1947 году в Рыбинске. Трудилась на рабочих должностях на приборостроительном и моторостроительном заводах. Закончила факультет журналистики МГУ, работала в редакциях газет. С 2000 года живет в Ярославле.

Первая поэтическая публикация появилась в газете «Рыбинская правда» в 1979 году. Стихи поэтессы публиковались в областных и московских коллективных сборниках, журналах «Студенческий меридиан» (Москва), «Работница» (Москва), «Русь» (Ростов Великий), «Русский путь на рубеже веков» (Ярославль), «Южная звезда» (Ставрополь), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Литературная галактика» (Чита), «Роман-журнал XXI век» (Москва).

Первый авторский сборник стихов «Любви и боли непокой» вышел в свет в 1990 году в Ярославле. Сегодня поэтесса, член Союза писателей России Тамара Пирогова — автор одиннадцати книг. Лауреат конкурса московского Рубцовского центра «Звезда полей» (2004).

«Во всем сквозит небес улыбка»

Весна

1

Природы колкие объятия
Теплеют с каждым днем весны.
Она меняет свои платья,
Мечты, фантазии и сны.

Во всем сквозит небес улыбка —
И словно мир сошел с небес.
И в дымке призрачной и зыбкой
Зовет к себе весенний лес...

2

Голубые просторы весны —
Нет картины на свете чудесней!
Бог придумал для нас эти сны
И ночей соловьиные песни.
Дышат свежую влагой сады,
И в душе моей снова цветенье.
И не верится в близость беды.
Принимаю, весна, миг спасенья!

* * *

«Ах, лето красное, любил бы я тебя...»

А. С. Пушкин

Лето дарит радости повсюду:
На полях, на знойном берегу.
Я забыла зимнюю остуду —
Дышит жаром сено на лугу.
Я цветы срываю на опушке
И плету затейливый венок...
Помню Ваши строки, Саша Пушкин!
Кое-что прочту я между строк...

Летний мотив

1

И вот я здесь среди просторов,
Среди некошенных лугов.
Вдали остался душный город,
Как призрак тягостных оков.
В лицо мне веет теплый ветер
Живым дыханием земли.
Травы запутанные плети
На сердце строками легли...

2

Узкая знакомая дорога.
Вдоль нее черемухи кусты,
Желтых одуванчиков морока.
В поле до деревни три версты.
До сих пор там ждут меня, я знаю.
И привычен молчаливый путь.
«Вот моя деревня!» — вспоминаю.
Некуда от памяти свернуть!..

Блики

Голубые сумерки зимы
Я люблю, как летние рассветы.
Легкие туманы полутьмы,
Блики угасающего света
Мне рисуют неземные сны
И пророчат снова пробужденье.
В них сверкают отблески весны!
В них я вижу свыше откровенье!..

Тайна

Зимний вечер. Темнота.
Лишь звезда горит печально.
Замолкает суета.
Открывается мне тайна
В тишине среди снегов
Жизни давней и нездешней —
Это скрип твоих шагов,
Это запах дымки вешней...

Метельная душа

Леса притихли и равнины.
Зимы метельная душа,
Свой путь прокладывая длинный,
Летит над миром не спеша:
Обнимет рощу мимоходом,
На ветви ляжет, словно пух...
Безмолвно русская природа
Хранит в снегах могучий дух...

Зов

1

Кричали, ссорились, мирились —
Жизнь уходила из-под ног.
И облаками дни дымились,
Нас ветер звал вдаль за порог.
И мы рассыпались по свету.
Придет ли время всех собрать?
Но чей-то крик витает где-то —
Как обещанье подождать...

2

Где уголок заповедный
Здесь на усталой земле?
Бродят богатый и бедный
В поисках счастья во мгле.
Мир вокруг высится грозный.
Рядом у каждого — враг.
Светят небесные звезды —
Сердцу надежный маяк!..

Поэтам

]

Как судить судьбу иную,
Что полна беды и слез?
То бранясь, а то ревнуя,
Жизнь летела под откос.
Но по милости высокой
Бог незримо выручал...
Пела пташкой одинокой —
Ветер песни вдаль умчал...

2

Поэты уходят из жизни,
Теряя сокровища слов...
И кто-то заплачет на тризне
И вспомнит стихи про любовь,
Где каждая строчка вздыхает,
Печалью и светом полна,
Как юность промчалась лихая,
И выпьет за друга вина...

Зимнее настроение

Зиме в охотку разгуляться —
Кругом навьюжены снега.
Опять я буду удивляться,
Как беспредельно дорога
Зимы волшебная картина:
Не видно знойной суеты,
Мир в полусне морозном стынет,
Как воплощение мечты;
Деревья в сказочных нарядах
Сверкают древней красотой.
И в глубине седого сада —
Сиянье родины святой!

* * *

Пейзаж за пейзажем мелькает.
Автобус. Леса и поля.
Как будто сам Бог мне листает:
«Смотри и запомни — Земля!»

Подземный вальс

В подземном переходе
Мелодия кружится.
И пусть она не моде —
Оттаивают лица.
И пусть народ все мимо
Торопится к вагонам,
Тот вальс летит незримо
За ними полустоном.
Замедлит шаг девчонка,
И парень рубль бросает.
У ног лежит кепчонка.
Старик баян «терзает».
И бередит нас тайна.
С ней дальний путь — не бремя.
Лады звучат печально,
Как будто плачет время...

Математика жизни

Алгебра всюду для нас —
Надо всю жизнь доказывать,
Каждый потерянный час
Надо с собой увязывать.
Скопища вечных проблем
С разных сторон наседают.
Сотни порой теорем
Сердце и разум терзают.
Груз уравнений, задач
Тянет за душу и нервы.
Где же ответы? — хоть плачь!
Дразнит нас мир многомерный..

Что делать?

С утра напичкана газетой
Плюс Интернет и телебум.
Дает на все свои ответы
Тех новостей тревожный шум.
Там — извержение вулкана.
Здесь — наводнение, пожар.
В судах — последствия обмана.
И в голове — сплошной угар.
Как выжить в грозную эпоху? —
Рецепты снятся и во сне.
И мне дает надежды кроху,
Что можно жить и на Луне...

Молитва

Зажигаю три свечи
Я сегодня в храме.
Мир суровый, помолчи!
Плачу я о маме.
Наклонилась Божья мать
Ласково, печально,
Хочет, грешной, мне сказать:
«Смерть — святая тайна!
Все уходят в мир иной,
Выстрадав дорогу!»
Утешением со мной
Свет молитвы к Богу!..

Осенний костер

Костер в саду напомнил о свободе,
О том, что где-то ждут меня поля.
Там ветер по траве неслышно бродит,
Живет привольно вечная земля,
Даруя нам запас весомый хлеба.
Там греются мальчишки у костров,
И смотрят ввысь в распахнутое небо,
И слышат гул неведомых миров...

«Я выбегу — счастливей всех...»

Памяти поэта Людмилы Николаевой

Стихи поэта излучают свет, от них исходит доброта. А между тем жизнь этой женщины поистине трагична...

Людмила Алексеевна Николаева родилась 3 декабря 1941 года в Некоузском районе Ярославской области. В возрасте 6 лет заболела полиомиелитом и вместо первого класса попала в больницу... К девяти годам ее поставили на ноги: она стала передвигаться при помощи костылей. Девочка Люда к этому времени уже умела читать — училась в больницах у друзей по несчастью. Потом были годы самостоятельной учебы дома. Более того, Люда все ежегодные экзамены сдавала на «отлично». Но после девятого класса ей пришлось оставить учебу и целый год, через силу, дома плести сетки, зарабатывая нужный для пенсии стаж. Стихи, которые она писала с детства, приходили к ней только по ночам... Все это Людмила Алексеевна рассказала в автобиографии к своему сборнику стихов «Надежда» (2009).

Стихи были самым главным в ее жизни. Казалось бы, в таких условиях должен сформироваться угрюмый, обиженный на судьбу человек? Ан нет!

*Я помню лето. Зной июля.
Пчела летела, словно пуля.
Купались курицы в пыли.
Я на крыльце, в тени березы,
Глотала молча злые слезы.
Лежали рядом костыли.*

*За что обижена судьбою?
Друзья веселою гурьбою
Умчались к речке загорать.
Таких попробуй догони-ка!
«Какая сладкая клубника!
Отведай, полно горевать».*

*Очнулась я, смотрю — соседка.
Ее я видела так редко —
Старушка дряхлою была.
Сказала: «Кушай на здоровье,
Клубнику я рвала с любовью,
Ты на ребят не помни зла».*

*И сразу мир преобразился,
Как бы живой водой умылся.
В него опять влюбилась я.
На жизнь сердиться — это слишком!
Я дочитать успею книжку,
Пока купаются друзья.*

*...Хоть не прибавилось здоровья,
Но вспоминаю я порою
Старушки тихий говорок.
И если я незлая сердцем,
Так это оттого, что с детства
Добра преподан мне урок.*

Поэтесса печаталась в районных и областных газетах. На конкурсе молодых поэтов, организованном Обкомом ВЛКСМ в честь 50-летия советской власти, заняла 1-е место, получила диплом и денежную премию. Первая книжка вышла десять лет спустя, и в 1978 году на Всесоюзном литературном конкурсе «Лучшая первая книга молодого автора» Людмила Николаева получила диплом лауреата. В 1995-м на Всероссийском фестивале творчества инвалидов она была награждена дипломом. Стихи Людмилы Николаевой звучали по областному и Всероссийскому радио, печатались в «Комсомольской правде», в коллективных поэтических сборниках. Поэтесса номинировалась на международную премию «Филантроп» (2004); не раз становилась победителем конкурса областной газеты «Ярославский инвалид» (2005, 2006); заняла 2-е место в областном конкурсе творчества «Третий возраст о себе» (2006).

Из автобиографии Л. А. Николаевой:

«Я считаю себя счастливым человеком. Меня многие знают и уважают, обращаются за советом. У меня замечательные читатели. Бывали дни, когда я получала по 5—10 писем в день. И адреса встречались почти как у Чехова: Ярославская обл., г. Гаврилов-Ям, поэтессе Людмиле Николаевой. Это скрашивает мою жизнь. Творчество — это такое счастье, не передать словами».

Самым большим достижением на творческом пути Людмилы Николаевой по праву можно считать авторский сборник стихов, который вышел в 2009 году. Он представил поэта в полном объеме. Составителем и редактором стала Т. В. Соломатина, человек тоже по-своему уникальный. Стараниями Татьяны Владимировны это поистине удивительное издание увидело свет. Вот ее строки в предисловии к книге:

«Поэтический мир Людмилы Николаевой — мир богатый, животворящий, наполненный самыми разнообразными звуками, запахами, красками. Войдите в творческую мастерскую поэта — и вы увидите и почувствуете, как «по росистым лужайкам бродит звонкое лето», как «травы весело растут под музыку дождя», насладитесь приходом златокудрой осени. Вместе с лирической героиней вам посчастливится любоваться метелью, поглядывая в окно «сквозь канитель серебряного кружева», а затем полететь на лыжах с

крутых склонов и ощутить, насколько же все мы счастливы! Сквозь нежные, проникновенные строки Л. Николаевой просвечивает душа автора — тонкая, любящая, ранимая».

Открывает книгу стихотворение, посвященное сестре Людмилы — Надежде. Да и сама книга носит название «Надежда», символическое и вместе с тем конкретное.

*...Тем временем росла моя сестричка,
Глазастая и тонкая, как спичка.
Моя отрада, нянька и подруга,
Спасение из замкнутого круга.
Сквозь боль смеюсь, пишу стихи, как прежде,
Благодаря сестре моей — Надежде.*

Воистину Надежда Алексеевна заслуженно может разделить восхищение людей подвигом стойкости и любви сестер Николаевых. «Сквозь боль смеюсь...» — нельзя не заметить заключительные щемящие строки.

А вот еще одно стихотворение. Казалось бы, обычная любовная лирика... Но как удар грома — последняя строчка, особенно если знать обстоятельства жизни автора.

*Не надо звать меня, не надо.
Я не могу оставить дом,
Дорожки солнечного сада,
И весь в кувшинках водоем,*

*И одинокий голос птицы,
Что так чарующе поет.
Книг пожелтевшие страницы
Читаю ночи напролет.*

*Я так любить тебя любила.
Ты холод был, а я — тепло.
Все это было, милый, было.
Но только былью поросло.*

*Не надо звать меня напрасно
Во сне и даже наяву.
Я поняла, что жизнь прекрасна.
Даст Бог, немного поживу.*

И никаких напускных стонов и воплей! Сдержанная, суровая правда жизни, правда трагедии: здоровье Людмилы Алексеевны с годами ухудшалось, и она становилась неподвижной. И все-таки книга, публикации Людмилы Николаевой в периодической печати не оставляют впечатление мрачности или надлома. На мой взгляд, случилось чудо. Поэт Людмила Николаева создала свою лирическую героиню из снов и мечтаний, из невозможности физической и окрыленности душевной, слезы превратились в росу, руки — в крылья, боль — в песню любви и радости. Душа выскользнула из своей темницы и зажила желанной жизнью. Да и может ли быть иначе, ведь душа наша бессмертна, а тело лишь временная оболочка. Смерти нет... Навсегда останется босоногая девочка, бегущая по росе навстречу Вечности.

Тамара РЫКОВА,
член Союза российских писателей

Людмила
НИКОЛАЕВА

«Мы смеемся сквозь слезы»

* * *

Раздвину шторы, распахну окно
И улыбнусь весеннему приволью.
Такое утро я ждала давно —
Согретое надеждой и любовью.

Вовсю скворец на яблоне поет.
В окно струится терпкая прохлада.
Того гляди, что скоро зацветет
Навеки в землю вросшая ограда.

Пой, скворушка, о счастье песню пой,
Чтоб люди повторить ее просили.
Нет города светлей, чем город мой,
И нет земли прекраснее России.

* * *

Серебряные гвоздики дождя
Прибили пыль, все вдруг переиначив,
Мы радуемся этому. Хотя
Насквозь промокли по дороге к даче.

О, как приятно завернуться в плед,
Согреться и побаловаться чаем.
Душа полна любви в такой момент.
Твой нежный взгляд, надеюсь, не случаен...

Погода разыгралась не шутя.
Колышется от ветра занавеска.
Серебряные гвоздики дождя
Стучат в окно, чтоб мир отмыть до блеска.

Странный зверь

Очень рада баба Ньюша:
К ней приехала Надюша.
Вместе с солнышком встает,
Молоко парное пьет,
Кушает оладушки —
Хорошо у бабушки.

Вышла Надя на крылечко,
Ест горох, а к ней овечка.
Что за чудо? Что за зверь?
Может, спрятаться за дверь?
Вдруг он злее злой овчарки?
Нет такого в зоопарке...

Прибежала баба Ньюша:
«Что с тобой, моя Надюша?»
Надя всхлипывает: «Ох!
Шуба съела весь горох!»

* * *

Ребенок плачет за стеной
С таким отчаянным стараньем,
А мама ласково: «Не ной!
Ну что за божье наказание!

Глянь в книжку: дядя на коне
Сидит красиво и небрежно...»
Ах, если бы поплакать мне,
Как этот мальчик, безутешно!

Но кто поймет меня сейчас?
Кто чутким сердцем отзовется?
И плачет мальчик «про запас» —
Во взрослой жизни не придется.

ОПТИМИСТЫ

Мы смеемся сквозь слезы,
но все же смеемся.
Нас к земле пригибают,
но мы не сдаемся.
Задыхаемся в зной, коченеем от стужи.
Повторяем упрямо: «Бывает и хуже».
Оптимизм, может быть,
и нелепая штука.
Но для нытиков это —
по жизни наука.
Что хорошего — сдаться и броситься вниз?
Как бы ни было худо — живи и борись.
Если все же получится
горький итог,
будет право заметить:
«Я сделал, что мог».